

Надежда КУСКОВА

г. Мышкин
Ярославской области

ПОТЕРЯННЫЙ ЖЕТОН

Документальная повесть

НЕ ОДНИ БАШМАКИ ИСТОПАЛА

Рома поступил в больницу за два дня до новогоднего праздника. Привела его жена Света, белолицая крепенькая блондинка, прошли под ручку по коридору, как на прогулке. Только вид у Ромы не прогулочный, вьёт и крючит его на ходу, на левую ногу припадает, смуглое лицо кривится от боли, чёрный чубчик мокрым комком прилип ко лбу. А ведь ещё вчера, оказывается, ходил, как все люди, мог и быстро пробежать.

Беда его настигла много спустя после аварии: сразу по горячим следам в больнице нашли только растяжение связок. Но примочки помогали с переменным успехом, шея болела и болела. Терпел. А через два года, когда совсем стало невмоготу, прошёл обследование на томографе. У Ромы нашли застарелый перелом шейных позвонков, и кто-то рядом, он слышал, удивился: «Как парень ходит? Его давно должно было парализовать». Ромка не из пугливых, вырос в рабочей слободке, где слабаком быть нельзя – заключают. Но тут и он струхнул. А что если правду говорят, как жить тогда?

Его парализовало к вечеру, сначала повисла ле-

вая рука, потом стал подволакивать ногу. Тогда Света и привела его в больницу. Заправила по-своему кровать, положила на тумбочку сигареты, какие-то булочки, сок.

И ушла, пообещав утром, перед сменой, заглянуть. Отпуск и даже отгулы она на заводе не попросила: работает кладовщицей, подменить её некому. Да и хорошо, сколько людей сократили, сколько скитается сейчас без работы, перебиваясь случайными заработками. А она вот при месте, и деньги платят, жить можно.

Уходила с тяжёлым чувством, что-то будет завтра? Но не плакала, что толку? Только закурила на ходу крепчайшую сигарету – свои вредные привычки она не выставляла напоказ, а тут уж не до скромности. Правда, заведующий отделением сказал, что после операции Рома станет такой же, как и прежде. Если, конечно, всё пройдёт удачно.

Утром следующего дня, приехав в больницу, нашла она мужа уже бездвигным. На кровати он ещё шевелился, а дойти два шага до туалета не может, из пачки выкурены только две сигареты, вечерние.

Окончание.

Начало в журнале «Север» №11-12 за 2017 год.

Это очень страшно, когда неведомые силы вихрем в одночасье вторгнутся в твою судьбу, размечут всё, что казалось незыблемым и само собой разумеющимся. Естественным было, что они в семье жили бедновато, но все здоровы, на больничный, очень редко, Света уходила только с ребёнком. Сама переносила все болезни на ногах. Да и какие болезни? Почихает, покашляет два дня – и как ни в чём не бывало. Муж, тот послабже, чаще простужался, болел дольше. Но тоже в постели не валялся. Но пришла беда – отворяй ворота. Неужели стали они с Ромкой бедовиками, о которых часто говорила её бабушка деревенская. Мол, привяжется беда – не отвяжется, век по бедам ходить будешь, бедоноша.

Но мысли эти от себя Света гнала, подступала к лечащему врачу:

– Обещали консилиум – когда?

Дмитрий Александрович улыбался обаятельнейшей из своих улыбок:

– Сейчас немножко не получается, заведующий занят, придётся подождать.

У Светы в голове не укладывается: чего врачи с осмотром тянут, неужели из-за праздников?

Ждали до праздника, ждали и после него: врачи на новогодних каникулах, дежурят по очереди, да и всех ходячих больных на время распустили по домам. Пустынно в отделении.

Света стала и днём с завода отпрашиваться, с мужем всё больше забот, всё хуже ему. А свободная минутка выдаётся – стоит у окна в больничном туалете и молча курит одну за другой крепкие сигареты. Вообще-то, курить в отделении не разрешается. Но многие, кто до этого и не имел вредной привычки, в больнице закуривают. Всё лучше, чем слёзы лить. Народу после обеда и ужина здесь, в общем для мужчин и женщин туалете, у окна, выходящего на приёмный покой, собирается много. Дымят и смотрят, как одна за другой подъезжают машины скорой помощи. Кто-нибудь обязательно вздохнёт: «Сколько беды по белу свету ходит!»

Беды и у нас с тобой много – не вычерпаешь. Восстановление идёт медленно, но всё же идёт. Появилась чувствительность в стопах. Давно не зову санитарок, меняя простыни или переворачивая тело с боку на бок. Твои мышцы наливаются силой. Наверно, сказывается лечение актовегином и мексидолом. Но как медленно происходит оживление! Капельницы ставят каждый день, уж и вены плохо выдерживают, прячутся вглубь, не каждая медсестра может найти эту жилу, по которой по крови к нерву движутся оживляющие его и восстанавливающие лекарства.

А тут ещё поднялась температура, сначала небольшая, 38 градусов. Подозреваю, что мочевого пузырь воспалился, не выдержал катетера. Ещё в старом году заметила, что моча, капающая в бутылку вместе с фурацилином, замутилась. Лечащий врач успокоил:

– Пока анализы в пределах нормы.

Больница на каникулах, взять анализы некому и сдать – некуда.

Дежурный врач тебе назначает антибиотики. Днём температура снижается, к ночи подскакивает ещё выше. Тебе плохо, временами ты бредишь. Ещё раз ставлю градусник – 39,8. В тревоге стучусь к медсёстрам. Дежурят спокойная, доброжелательная Варвара Васильевна и Лиза.

– Антибиотики не помогают, сделайте хотя бы жаропонижающий укол.

В арсенале только анальгин с димедролом. Ну, хоть это.

После укола температура чуть снижается, а потом снова подскакивает вверх. Снова стучусь в сестринскую. В палату приходит Лиза, лицо непроницаемо спокойное, командует:

– Сейчас будем в пахи ставить грелки со льдом.

О, какое величие придаёт порой обычный белый халат, складно схваченный в талии пояском. Какое непререкаемое право решать исход болезни в ту или другую сторону обладатель такого халата вдруг приобретает!

Отвечаю тихо, сил нет на громкие разговоры. Да и не совсем уверена я в своей правоте. Но и Лизе не верю, ни её добросовестности, ни её знаниям.

– Я не дам ставить лёд. Это какое-то варварство. Неужели нет каких-нибудь современных эффективных лекарств?

Лиза вспыхивает раздражением:

– Если температура не спадёт, вашего мужа отправим в реанимацию. И там-то уж вас не спросят, и лёд, и всё что надо и куда надо – поставят!

Всё же делает ещё один жаропонижающий укол.

Температура немного спала, ты задремал, но даже во сне видно, как тебе тяжело. Что я могу, чтобы снять эту тяжесть? Нет сил глядеть, как ты мучаешься. Достаю из-под подушки пачку сигарет, иду в туалет, к окну, постоять в тишине, прийти в себя, подумать, как дальше быть.

Света у окна, докуривавшая последнюю сигарету, оживилась при моём появлении, ещё закуривает, из моей пачки. Коротко говорит, что у Ромы дела хуже некуда. Потому и осталась на ночь, помощь нужна – садиться на кровати мужу стало трудно. А операцию если и сделают, то не раньше середины января. Она не плачет, эта маленькая,

волевая женщина, затягивается поглубже сигаретным дымом, как будто в нём всё спасение.

Первую сигарету здесь, в больнице, я со Светой закурила. Это было совсем недавно, когда после смены катетера у тебя поднялась температура. Сидела в коридоре и боялась зареветь в голос от безысходности. Света, торопившаяся в палату, почему-то вдруг подсела ко мне. Здесь, в отделении, о происходящих событиях, как в деревне, не хотя узнаешь. А что на душе творится, как держу тебя здесь обеими руками, не выпускаю и боюсь, что не удержать, – рассказать некому, да и надо ли? Всем здесь несладко.

Тогда-то и протянула мне Света спасительную сигаретку. Затянешься дымом – вроде бы и время быстрее идёт, приближает окончание каникул, появление докторов в отделении.

Консилиум врачей, обсудивших сложный случай с застарелым переломом, прошёл 12 января. Операцию в Ярославле Светиному мужу не стали делать, не решились, травма с большим сроком. Нет опыта таких операций в провинции. Нужно ехать к столичным докторам. Света держится молодцом. Уверенности не теряет, серые глаза смотрят спокойно. Хотя внутри – буря кипит, знаю: денег на платную операцию нет. Откуда деньги? На заводах не ахти какие зарплаты выдают, только на жизнь при строгой экономии хватает.

Светлана едет в департамент здравоохранения. Там обещают помочь, направить мужа в Москву, в больницу имени Пирогова, но не скоро, во втором квартале. А ждать некогда, дотянет ли Рома без операции до весны? Советуют самой торопить события.

В Москве пришлось походить по кабинетам, дойти до министерства (а попасть в него, минуя охрану, просто ли?). Впрочем, как в стародавние времена было, так и сейчас. В известной сказке не одну пару башмаков истоптала красна девица, чтобы спасти любимого. Любимый в это время, как злым волшебником заколдованный, лежал и думал свои думы, навеваемые болезнью.

А дальше, и правда, события развивались, как в сказке. Ночью Света увозит Рому в Москву. Он совсем плох, до машины его везут на каталке. Меньше чем через неделю они вернулись в больницу областного центра. Причём Рома уже сидел в коляске. Он проходит курс послеоперационного лечения, ещё через несколько дней встаёт к ходункам. У него и у Светы всё складывалось хорошо.

Один только раз встретилась я с супругами после их возвращения из столицы в туалетной курилке. Рома, которого до операции и не слышно бы-

ло, теперь за двоих говорит, радостно хохочет:

– Под лестницей в московской больнице курили. Светка меня на коляску погрузит, скроемся от санитарок и медсестёр – и дымим, как два паровоза.

Света, как всегда, помалкивает. Только каменное, старившее её выражение ушло с лица – совсем ещё девчонка, глаза светло-голубые затаённо, про себя чему-то улыбаются. Я догадываюсь – чему.

Тебе тоже стало легче: сразу же после каникул Дмитрий Александрович сделал назначения, тебе проверили кровь и выписали нужные антибиотики, целенаправленно подавляющие возбудителей болезни. Ах, если бы анализы сделать раньше, то тебя не истрепала бы так болезнь, истощив последние силы. Похудел, побледнел, голос ослаб. И главное – последствия – к чему приведёт месяц лечения антибиотиками? Об этом можно только догадываться.

Лариса Сергеевна после праздников в палату к нам заглянула, невысокая, седенькая и совсем не подтянутая: из-под голубых форменных брючин выглядывает кончик не очень-то чистого эластичного бинта, вены большие.

– Температура спадает? Хорошо, очень хорошо. Скоро к тренировкам приступим.

– Но сразу полную нагрузку давать нельзя? – спрашиваю необязательное, но так хочется подольше слушать уверенный и спокойный голос, чувствовать ровное, доброжелательное отношение. Ты тоже очень любишь, когда к нам приходит Лариса Сергеевна. О твоём парезе говорит она как о серьёзном, но вполне преодолимом затруднении. Вот мужчина парализованный встал через несколько месяцев, пошёл на ходунках, потом на стадионе встречала его на беговой дорожке. А вот другой – ходил, но от катетера не удалось здесь избавиться. Почти сразу после больницы женился, прежняя жена ушла от него.

– А катетер? – спрашиваю я с удивлением.

– Выходит, не всегда это приспособление помеха в семейной жизни.

– Чудеса.

– Здесь чудес много случается, – со значением говорит Лариса Сергеевна. – Окончательно решить судьбу больного может только он сам.

Не только, не только... Перелом лопатки обошёлся тебе вначале ограниченностью движений левой руки. Три недели занятий с Ларисой Сергеевной – и теперь ты действуешь обеими, как и до травмы. Ноги, увы, не так послушны.

Другие больные не вмешиваются в наш разговор. Да и что им обсуждать, все встали после операции, спинной мозг у них не ушиблен.

СГЛАЗ

Поступил новый больной, Евгений, перевели из другой палаты, где было холодно и где он подхватил вирус, гриппует. Высокий, худой, он шагнул через порог, прижимая плоский телевизор к груди. С ним сожительница Люда, низенькая, круглая, из тех малышек, что хотят непременно казаться выше: на голове из длинных волос накручена замысловатая пирамида, нарушающая все разумные пропорции тела. Поздоровалась и, как со сцены, объявила всем:

– Мы жили как православные христиане... Но кому-то не понравилось, кто-то нам позавидовал. Нас испортили, – намекнула она на сглаз.

В палате она ведёт себя по-хозяйски, отодвинула кровать Евгения от окна вплотную к моему лежбищу, спросила деловито:

– Нельзя ли и последний проход между кроватями сделать уже?

Объясняю, что между твоей и моей кроватью пространство оставлено для коляски. Олег Владиславович уже разрешил тебе путешествовать по коридору на этом виде транспорта. Правда, пересаживаться с высокой кровати в кресло у тебя не получается, переносим за руки и за ноги вдвоём с зятем.

Я спохватываюсь:

– А зачем вам нужно сдвинуть наши кровати?

– А чтобы Женю отодвинуть от окна.

Женина кровать и так выехала уже на середину палаты, но это ничуть Люду не смущает. Потом Люда сходила к сестре-хозяйке за второй подушкой, а вернувшись, командует сожителю:

– Поставь телевизор так, чтобы всем было видно.

– А может, они не хотят? – на что-то обидевшись, грубо ответил Евгений.

Люда тоже обиделась, хлопотать перестала, достала пачку сигарет и пошла в туалет: Женя не любит, когда она курит, это один из способов досадить ему.

Из-под демонстрируемой любви и заботы ярко пробивается недовольство друг другом.

В досаде, глубоко затягиваясь, новая соседка рассказывает о том, как муж утром, умываясь, упал в припадке эпилепсии спиной на край ванны – и вот результат: перелом позвоночника. Операция была назначена неделю назад, но её перенесли из-за того, что Евгений простудился. А всякая отсрочка – нож острый. Она взяла на работе, во дворце культуры, отпуск, время уходит бесполезно.

Когда мы пришли в палату, телевизор на окне уже работал вовсю, ты лежал, закрыв глаза, но по лицу пробежали тени страдания. На экране крив-

лялись актёры, обряженные в юбки и бабьи платки, грубо, хамски юморили.

Евгений всматривался, иногда, наверно, вспоминал службу, казарму, застолья с товарищами-офицерами и тускло, тяжело ухмылялся. Один раз бравым на общеармейский манер голосом сказал, ни к кому не обращаясь:

– Вот кто бы показал по телевизору, как мы тут страдаем... С нами чудес не бывает.

Потом до самой операции замолчал. Люда каждый вечер читает по сорок раз пятидесятилетний псалом. Я удивляюсь: почему только один псалом и обязательно сорок раз? И вера ли это? Через несколько дней ты показываешь мне свой блокнот.

Его длинное тело привезли на каталке. Свалили на кровать. Сожительница с напряженным выражением сидела рядом.

Одурманенный наркозом, он слабо стонал, потом принялся выговаривать одно и то же:

– Там были две красивые девчонки, медсестры... Какие девчонки красивые... Как смотрела...

Когда он очнулся голый там, на столе, серые, бесплотные волны захлестнули, он то выныривал, то снова тонул в них, но сквозь их хлопья мерцал живой свет, вливавший внутрь покой. Это молодая медсестра стояла у его головы и черными, влажными, сострадавшими глазами впитывала каждый его вздох, каждый вздрог.

– Такие глаза у одной... красивые... – все повторял немощно он. – А у меня... седые... – И, вздохнув, выворотил натуральное, мохнатое слово. Пожилая сожительница обиделась, с затвердевшим лицом попыталась пошутить:

– Значит, ты там влюбился?

После операции он не вставал с койки четыре дня. Ему ставили капельницы, сливали из него мочу через катетер. Пробивалась между темными ветвями первая весенняя, неуверенная синева в окне.

Сожительница принесла суп с кухни, принялась кормить:

– Ты что сделал рот, как куриную гузку? Ложка не входит, – раздраженно сказала она.

Откуда она взяла, что его сглазили? Это как-то само легко вошло ей в голову. Так же легкомысленно она когда-то вышла замуж за студента, изменила мужу с загаром, развелась, оставив ребенка у родителей, и так же легко скоро станет прикидывать, что она уже не молодая и ухаживать за таким большим мужчиной, инвалидом, ей не под силу. Эти жуткие припадки с ним, наверно, будут повторяться. Эпилепсия, говорят, болезнь неизлечимая.

Он упрямо встал на день раньше, чем разрешил врач. Вот он продвигается по рваному линолеуму коридора в туалет в вонючих, серо-фиолетовых, отвисших на коленях кальсонах. Даже толстомордая, нахальная сестра-хозяйка, заработавшая подачками и продажей обедков на автомобиль, останавливает на них взгляд: или это такой спортивный костюм?

Длинный, как столб, откидываясь назад, выбрасывает он ноги в своих кальсонах вперед. С маленькой головой на тонкой, как черенок лопаты, шее он озирается, будто обнаруживает вокруг непорядок. Глаза мутные, недобрые, цвета грязной наледи. Сестре-хозяйке неприятно встречаться с ним взглядом: они как будто без зрачков. Она нутром чувствует, что это – от беспричинной злости и ненависти ко всему и ко всем. «Бельмат у него заплесневели», – думает она. Он их не отводит, а вперяет их безжизненную пустоту в каждого встречного, точно испытывая: а не ты ли сглазил меня?

ТРОМБ

Твое освобождение от катетера произошло неожиданно, когда мы устали уже надеяться. В тот день этот сложный прибор сняли на дезинфекцию, в палате было тихо, соседей выписали, новых не подселили, ты заснул на полчаса. А когда проснулся, то всё произошло само собой, как у здорового человека. Эту страницу твоей болезни можно бы было и не описывать, чересчур интимная. Но... вдруг кому-то из спинальников попадёт в руки эта повесть? Может, поможет в борьбе с болезнью?

После обеда на коляске ты выехал в коридор. Медсестра Оля, заполнявшая за столиком какие-то бумаги, деловито тебе напомнила:

– Через два часа будем ставить катетер.

– А мне он больше не требуется, – тихо сообщил ты.

Усталое лицо Оли просияло, обрадовалось, похорошело, и сразу стало видно, что она ещё молодая и привлекательная женщина...

Ты, рассказывая потом мне этот эпизод, задумчиво удивлялся:

– А ведь совсем посторонний человек – и так обрадовалась. Если обо всех так переживать – надолго ли хватит?

Что я знаю об Оле? Отстранённая, сосредоточенная неулыбка, хорошо и капельницы ставит, и уколы делает. Но с лишним вопросом к ней не обратишься

– строго. А за этой строгостью, оказывается, кроется отзывчивость на чужую боль и на чужую радость. Наверно, она, некрасивая, несчастлива в личной жизни. Почаще бы улыбалась, недогадливая!

Широкий коридор – это больничный проспект, на котором всегда встретишь нужных людей. Несколько раз видела здесь Василия Васильевича Случевского. Раз вместе со мной зашёл в палату, посмотрел, как идёт твоё восстановление после операции. Правую ногу ты уже можешь сгибать и разгибать сам, можешь даже приподнять на сантиметр над кроватью. В левой – силы немало. Но туговата и на сгиб, и на подъём.

– Положительная динамика есть. Обнадёживает, – старый доктор смотрит без улыбки, а глаза весёлые.

Вскоре – снова встреча в коридоре, спешил на кафедру. Но, увидев меня, остановился:

– Читал в «Золотом кольце» статьи вашего мужа. И окончательно поверил – он встанет.

Ох, как я ждала от него этих слов! И совсем не удивилась, что по газетным статьям врач рассудил, что ты начнёшь ходить. Разве мало значат сила духа и сила воли для потерявших подвижность людей в борьбе с болезнью? А чтобы лёжа, превозмогая боль, писать статьи и очерки в газету, этой силы нужно немало.

Наш отъезд в реабилитационный центр даже при мощной поддержке из Москвы оказался не таким уж простым делом. Нижний Новгород в первом квартале по квоте не выделил ни одного места. Да и выделяет ли вообще? Нас направляют в Москву. А там объявлен карантин по случаю гриппа. Снова ждать, надеяться, верить и заниматься.

Вчера во время обхода заведующий отделением, едва зайдя в палату и даже не осмотрев тебя, спросил неожиданное:

– Сколько времени вы здесь намерены ещё оставаться?

Я испугалась: неужели выпишут? А как проходить обследование, готовить документы, как уезжать в Москву? Всё усложняется в несколько раз. Но, привыкнув встречать неприятные неожиданности, хотя бы внешне не дрогнув, говорю как о само собой разумеющемся:

– Карантин в Москве заканчивается через три недели.

Заведующий кивает своей большой головой, не понятно – согласился он со мной или нет, шумно со всей свитой покидает палату, посеяв в душе тревогу: я знаю, что срок твоего стандартного пребывания здесь давно прошёл и формальное право расстаться с таким, как ты, больным есть.

На днях отправили в районную больницу по месту жительства в тяжёлом состоянии молодого мужчину, угораздило его чуть больше месяца назад выпасть из кабины трактора и сломать шею. Дежурили у постели по очереди мать и жена, берегли от пролежней. А что толку? Из больного после блокады, несколько раз проводимой врачами, моча стала постоянно сочиться, опрел, как неухоженный младенец. Иногда раздавались его громкие крики: кишечник переполнился, не работает, не эвакуирует содержимое. Такого и увезли – без надежды, без веры в лучшую долю.

После обхода подхожу к лечащему врачу:

– Дмитрий Александрович, мужа могут выпустить? А как же анализы? Ведь в районной больнице не все обследования можно сделать.

Дмитрий Александрович мягко улыбается:

– Да не беспокойтесь вы, всё будет нормально, обследуем здесь.

В душе благодарю красавца доктора за его уверенный оптимизм. От него и мне спокойствия немного перепадает. Хоть и ненадолго.

У нас появился новый сосед – до чего же складной человек. Вошёл в палату, чуть прихрамывая, но бодро, улыбнулся. Улыбка из-за едва заметного шрама на губе чуть кривая, но приятная, поздоровался, представился:

– Сава Горский.

И так-то ему, широкоплечему складному детишке, подходит имя, что непонятно, зачем очутился этот богатырь в больнице, где скорби и немощи, где страдания и слёзы. Но вот же – случилось.

Двадцать лет назад он, дальнбойщик, попал в страшнейшую аварию, получил перелом позвоночника, остальное – мелочи. Раны на лице зарубцевались быстро, а вот ходить долго не мог. Друзья на одеяле выносили из квартиры и возили к Волге на рыбалку, чтобы появились силы и желание встать и идти. И оно появилось, тренировался так, что слезы от боли наворачивались на глаза, а жена Галя, жалея его, рыдала. Встал с костылями, потом и их отбросил.

Подоспели девяностые годы. Сава на паях с другом открыл мастерскую по ремонту автомобилей. Дело выгодное, стали жить в достатке. Дом построил, дочке своей поздней думая оставить наследство. Машина-«мерин» новенькая, блестящая в гараже стоит. Однажды поехал Сава с женой и дочкой в кафе. Пока ели мороженое – машина пропала, угнали. Город небольшой, все друг друга знают, и кто промышляет угоном машин, тоже на виду. Одна полиция жмурится, делает вид, что преступники неуловимы. А Сава в полицию и

не стал обращаться. Позвонил по мобильнику в известную всем фирму:

– Что же вы своих-то, ребята, обижаете?

– Сава, ты? – удивляются на другом конце города. – Извини, друг, перепутали.

Машину вернули, поставили к кафе – и мороженое хозяин ещё не успел доесть.

Посмеялся Сава, весело! Посмеяться он любит. Только жена тревожно молчит, у неё, видите ли, предчувствия, не в столовой бы ей заводской работать, а гадалкой по домам ходить, судьбу пророчить.

И беда пришла откуда не ждали. Правильно говорят: та не беда, что на деньгу пошла – где можно откупиться. Не откупишься!

Заболела левая нога, да не постоянной болью, а так стреляет, хоть на крик кричи. Ночью от этой стрельбы просыпался, выходил в коридор курить. Днём, при ходьбе, вроде бы отпускало. Но как жить не спавши?

Побывал в Москве в знаменитой клинике на консультации. Посоветовали операцию. Не стал ждать очереди, заплатил деньги. Нейрохирурги проверили, что возникло на позвоночнике на месте травмы, – ничего внятного не сказали, а легче не стало. Обращался к народным целителям, ездил даже в Сибирь к какому-то знаменитому шаману – всё без толку!

И вот привела его дорожка в нашу специализированную больницу. Запросили за операцию сначала семьдесят тысяч, потом девяносто. Сава на всё согласен – только помогите! Теперь ждёт, его обследуют.

Но не такой человек Горский, чтобы только о себе думать. О твоей травме расспрашивает, говорит, что пора тебе пробовать к ходункам вставать. Хотя бы просто постоять. Он поддержит.

И вечером, когда пришёл навестить нас зять, поставили. Конечно, ноги держали плохо, пытались то и дело согнуться в коленях. Но ступни упирались в пол, не висели безвольными тряпочками.

Твоим маленьким победам радуются все наши старые и новые друзья. Но радоваться так, как Людмила Михайловна Климова, – никто не умеет. Поправит свои «учёные» очки в солидной оправе и смотрит так, будто это её счастье, её победа. Потом, в разговоре, она обмолвится:

– Я всегда с теми, кому плохо.

Думаю, что в прежние времена эта худенькая, с виду беззащитная женщина была бы или сестрой милосердия, или монахиней. В новые времена она выбрала профессию библиотекаря. И тоже, наверно, не случайно. Библиотеки – последний оплот культуры в новом мире, держащие сейчас широкую

оборону от натиска потребительства, и, в конечном счёте, от накрывающей общество дебилизации.

Договариваемся с Людмилой Михайловной, что презентация твоей книги «Повести и рассказы» пройдёт до нашего отъезда в Москву. В юношеской библиотеке начали готовить каталог твоих сочинений с критическими статьями. Их тоже, особенно за последнее время, накопилось немало. Почти во всех областных газетах появились отзывы на твои «Повести и рассказы».

Тебя обследовали. И сразу же, без промедлений – на операционный стол: обнаружен в правой, более подвижной ноге, блуждающий тромб. Образовался, верно, когда ты лежал с высокой температурой.

А если бы ты не ехал в реабилитационный центр, обследования не назначили, и этот тромб, как мина замедленного действия, блуждал бы на тоненькой ниточке по сосуду, пока совсем не оторвался? Боюсь об этом думать.

Бегу по коридорам и лестницам, ищу операционную сосудистого отделения, тебя уже завезли в «предбанник», а туда вход посторонним воспрещён. Переговариваемся через дверь, ты спокоен, а я теряю голову: почему испытания, одно за другим, сваливаются на нас, чем всё закончится и сможем ли мы после операции отправиться в Москву, примут ли со свежим швом?

Конечно, ничего этого не говорю вслух, не нужно тебе перед операцией волноваться. Слов нет, как боюсь – выдержит ли у тебя сердце наркоз.

Два с половиной часа тянутся бесконечно, долго же ищут этот тромб, путешествующий в паху. Наконец тебя привозят в палату, четверо врачей на одеяле укладывают неподвижное тело на кровать. Ты в сознании, наркоз делали местный, в спину (в позвоночник?). Ногами совсем шевелить не можешь.

– Надя, врач оперирующий, Яков Андреевич, велел под голову две подушки подложить, – бодро объясняешь ты, хотя бледен чрезвычайно, потерял полтора литра крови. Недоумеваю на врачебное предписание, но пытаюсь примостить тебе вторую подушку в изголовье. Лежать так очень неудобно, не получается, одну подушку с огорчением откладываю в сторону. И правильно. Утром, до завтрака, до уколов и капельниц забегает к нам в палату Яков Андреевич. Недовольно и немного невнятно, как картошину во рту катает, выговаривает мне, что твои ноги должны лежать на двух подушках.

Тут же, без промедления, поднимаю их, всё ещё бездвижные, повыше. Какая же я недогадливая! Ясно же, что после операции не должно быть зас-

тоя крови в конечностях! На тебя я даже не сетую. И в обычной жизни ты часто слушаешь – и не слышишь, думаешь о чём-то своём.

Между тем врач торопливо, на ходу, в своё отделение торопится, разрешает делать зарядку, по возможности больше шевелиться.

– А швы не разойдутся? – сомневаешься ты.

– Нитки крепкие, – в первый раз за всё посещение улыбается Яков Андреевич. Улыбка у него удивительно милая, немножко детская.

– Нитки-то, может, и крепкие, да материал подношен, – не сдаёшься ты.

– Двигаться, двигаться, – уже от дверей отдаёт последний наказ – и исчезает.

Днём ещё раз так же стремительно пролетает по нашей палате, проверяет состояние больного. Вечером сестра приносит из сейфа таблетку прадаксы для разжижения сгустившейся крови. Препарат, как потом узнаю, дорогой и эффективный, из современных. Не поспешил Андреевич!

Это плюс. Минус же после операции перекрывает всё: ноги стали двигаться хуже, снова появилась неустойчивость в пояснице, без подушек сидеть не можешь. Как обидно! Только было появилась почва под ногами – и всё насмарку.

Через несколько дней Сава пытается снова поставить тебя к ходункам. Ты не стоишь даже при поддержке! Ноги бессильно подгибаются, виснут, стопы не держат.

– Он не может! – с огорчением говорит Горский.

Ах, Сава, добрая душа! Знал бы ты, что ждёт тебя самого через несколько дней!

Несмотря ни на что – три раза в день делаем гимнастику. Один раз, утром, под руководством Ларисы Сергеевны. Горский в ожидании операции то уезжает домой, то снова возвращается в палату, энергичный, стремительный, несмотря на свою хромоту.

Ожидание утомляет, вот и у Сава иногда прорывается:

– Побыстрее бы, к одному концу.

Ничем другим он своего беспокойства не выдаёт, когда не донимает боль, читает, лёжа на заправленной кровати, в основном исторические романы. Первый раз за четыре месяца у нас в палате появился читающий человек!

Читает он, быстро перелистывая страницы, глотает текст. Отложил книгу, говорит:

– Всё понимаю: были войны, нашествия иноплеменников, внутренние междоусобицы. Россия ослабевала, потом снова укреплялась, процветала. А как в наши времена удалось без войн и революций превратить по многим статьям передовую державу в сырьевой придаток Запада? Нет,

умом-то я, конечно, понимаю. Сердцем принять не могу. Ну, должен кто-то был воспротивиться в девяностые годы этим младореформаторам?

– Не могу согласиться, что войны не было, окраины польхали, русские бежали с Кавказа, из отделившихся республик. А сколько у нас в то время было тайных убийств, так и не раскрытых по сио пору, – живо возражаешь ты.

Сава вскочил с кровати, зашагал, прихрамывая, по палате, остановился у твоей койки:

– Те, кого убивали, – тоже по карманам собственность распихивали государственную, созданную почти бесплатным трудом. Я думаю, тут герой Достоевского прав, когда говорит: один гад съест другую гадину. Что от этого потеряем?

– Человеческий облик потеряем, – тихо отвечаешь ты. – Семьдесят предыдущих лет, двойная мораль, породили неверие и цинизм черезвычайный в человеке. Сейчас человека в человеке добивают.

– Да не так же! Не так, – Сава горячится. – Человек доверчив, многие размечтались, что можно жить по-другому, лучше.

– Ага, поверили и стали выворачивать карманы ближнему, по лагерному закону: умри ты сегодня, а я завтра.

Спор прерывает медсестра Наташа-красивая, пришла ставить тебе капельницы.

В больнице время движется, мне кажется, скачками. Недавно только случилась внеплановая операция, и вот уже – подступает вплотную время презентации твоей книги в Некрасовской юношеской библиотеке. Ты очень ждёшь этого дня, всё идёт, как мы планировали несколько месяцев назад. Но с какими поправками!

...Я, кажется, опаздываю к назначенному времени. И правда, когда, запыхавшись, влетаю в библиотеку, все уже в сборе. Есть и знакомые, почти родные лица: Любовь Новикова, Евгений Чеканов, Илья Васильев и, конечно, директор библиотеки. Людмила Михайловна, увидев мой более чем скромный наряд – джинсы и клетчатую рубашку – с некоторым удивлением вопрошает:

– Вы без комплексов?

Да с комплексами я, как большинство женщин, особенно если это касается одежды. Но старые вещи велики на два размера, а новые не вдруг купишь. Джинсы вот да рубашку только и нашла в магазинах в перерывах между больничными делами. Сама Людмила Михайловна выглядит очень нарядной в своём серебристом костюме, который необычайно идёт к её тёмным, коротко стриженным волосам. Да и все вокруг праздничные, весёлые, и

меня охватывает чувство, сродное тому, когда после тёмного подвала забираешься на высокую солнечную светёлку, – ликующее и торжественное.

– А это жена и муза поэта Николая Васильевича Смирнова, – объявляет Людмила Михайловна при моём появлении в зале. И дарит огромный букет белых лилий.

Бывало не раз в детстве. Когда трудно, больно – держись, а стоит сказать маме: «Бедная моя девочка, как тебе плохо», как сразу рыдания подступают – не удержать. Вот и здесь – от внимательных, доброжелательных и сочувственных взглядов боюсь разреветься – стыд и позор. Потому не поправляю ведущую вечера: я не муза, это где-то в салонах они витают, неземные существа. Долго живём мы с тобой вместе и стали, как кровные родственники, брат и сестра, или лучше – как два весёлых подмастерья. Бывает – даже слов не надо, посмотрим друг на друга – и понятно, какая мысль общая промелькнула, засмеёмся. Нам случается даже сны одинаковые видеть.

Сажусь за стол, рассматриваю большую выставку с твоими книгами и портретами, и даже один мой есть, как «жены и музы», слушаю выступления. Отзывы читателей очень доброжелательные, «сумел даже в небольших рассказах передать самые сокровенные чувства необыкновенно ярким, сочным языком» и больше «это я, я так увидела, но высказать не могла, а писатель смог мне показать и понять» – прижимая руки к груди, пылко говорит седовласая читательница.

Больно кольнуло: ах, если бы ты послушал. А дальше Любовь Новикова читает твои рассказы, а потом Евгений Чеканов говорит о тебе: «Для меня не имеет никакого значения, что Николай Смирнов «не раскрученный» сочинитель, что о нём то и дело не упоминают в журнальных и газетных статьях. Для меня ясно, что это талантливый писатель российского уровня».

Возвращаюсь в больницу счастливо усталая, с огромным букетом и ворохом нерассортированных впечатлений. В голове ли, в душе повторяется и повторяется печально-светлый вальс, звучавший в конце вечера.

А у нас в палате тяжело, сделали операцию Саве, очень ему больно, согнулся на кровати крючком и терпит. Кровь на бинтах, а ими умотана вся спина, расплывается огромным пятном. Рядом – жена Галя. Маленькая, худенькая, моложавая. По виду в дочке Саве годится. Потихоньку плачет, старается, чтобы муж не заметил, но он, конечно, видит, тянет её руки к своим губам, целует. От боли говорить не может, так пытается успокоить. А ей ещё горше.

Я потихоньку рассказываю тебе о празднике, припоминаю реплики, в точности стараюсь передать всё, что было. Ты киваешь в сторону Сава:

– Тяжело ему. Вроде никто так после операции и не страдал, как он.

У нас начинаются последние часы в этой больнице, ночью мы уезжаем, до Москвы нас довезут на реанимобиле. Сава уже и терпеть боль не может, курит сигарету за сигаретой, в воздухе сизо от дыма, ты начинаешь задыхаться, я открываю окно, пуская струю сырого холодного воздуха.

И иду к туалетному окошку, за мной – Галя, просит сигарету.

– Сава не любит, когда я курю. Да я и не курю на самом деле, – она, заливаясь слезами, торопливо затягивается сигаретным дымом. – Нет сил смотреть, как он мучается. За что? Я не встречала человека великодушнее его и справедливей. Видели у него шрамы на лице? А я их не вижу. Он для меня самый красивый, самый умный.

– Он тебя, Галя, тоже очень любит сильно.

– Как мне быть-жить без него?

– Да почему же сразу без него? Боль после операции у всех большая.

– Врачи что-то у него там нашли нехорошее в спинном канале. Сава мне не говорит, а я у Дмитрия Александровича боюсь спрашивать. – Плачем уголки губ оттягивает вниз, и уже видно, что Галя вовсе не молодая, а на пороге пятого десятка. Го-ре старит нас всех.

Нищему собраться – только подпоясаться. Мы мало разговариваем в эти последние часы перед дорогой. Наверно, от волнения. Достала из-под кровати спортивную сумку с необходимыми вещами, беру одеяло, чтобы укрыть тебя в машине. К трём часам ночи нас приезжают проводить дочка с зятем, приходят медсестра Оля с встревоженным и усталым лицом, санитарка Аня. Я ей даю деньги, чтобы она убрала мусор за нами. Первый раз Аня пытается отказаться, и я ей насильно сую несколько купюр в карман. Какая-то она заморённая – дунь ветер – и улетит.

– Да я бы и так всё сделала, – помолчала и обронила. – Ты своего мужика с того света вытащила.

Мы с Аней обнимаемся крепко. Под руками тоненькие хрупкие косточки, жалко Аню, добрая она душа. И всё же я горячо желаю, чтобы нам больше не свидеться никогда. Не дай бог возвратиться когда-нибудь в эту больницу!

В МОСКВЕ

Впрочем, попадаем мы тоже в больницу – бывшую. Обычную серую типовую многоэтажку в ряду других таких же домов на окраине Москвы. Правда, внутри реабилитационный центр отремонтирован на новый лад – пластиком. Из четырёх больших лифтов работают только два.

Нас поселили на шестом этаже в одноместной тихой палате с огромным окном, столиком в углу и узенькой низкой койкой для тебя. Себе я вечером надую неразлучный скоро уже полгода тёмно-синий матрас. Вообще-то, предполагалось, что его будут использовать для купания на море – такой он широкий и толстый. А тут разве не бурное житейское море?

Белая дверца ведёт в туалетную комнату с душем. Вот чем столица отличается от провинции: здесь и об элементарных удобствах для людей думают. Из-под крана бежит чистейшая вода, прозрачная – наполняй электрочайник и заваривай чай. Там, в областном центре, я воду покупала. И не всегда удачно. В бутылках она часто бывала с таким же затхлым болотным запахом, как и в коридорном бачке.

Ты повеселел, говоришь мне утешительное:

– Здесь мы с тобой за все месяцы отдохнём.

Больше всего тебя радует, что бубнилки-телевизора в палате нет. Вот это удача так удача! Из коридора прихожу с другой весёлой вестью: есть на этаже стеллаж с книгами. Литература так себе, скорее макулатура. Но, может, что-нибудь интересное и попадётся.

Зашёл профессионально внимательный врач Петров, высокий, бледнолицый, посмотрел снимки, одобрил прежнее лечение, назначил процедуры, тренировки. Это уж потом мы узнали, что по квоте набор услуг, как в столовой комплексный обед, для всех примерно одинаков. Занятия с инструктором по лечебной физкультуре, два тренажёра, один из них для ходьбы, электрофорез, прикладывание магнитов к больному месту, вот и всё, если не считать какие-то ещё мелочи.

А пока я верю, что здесь творят чудеса. Да и Олег Владиславович, напутствуя, говорил, что после реабилитационного центра в твоём состоянии могут произойти значительные перемены к лучшему. Потому говорю доктору:

– Я надеюсь, что здесь мой муж сделает первые шаги.

– Это наш долг, – довольно-таки бесстрастно отвечает наш новый врач.

Толкуй как хочешь. Я и толкую в лучшую для нас с тобой сторону.

Отдохнуть нам от многолюдства больничных палат, конечно же, не удалось, через день нас перевели в маленькую двухместную каморку на восьмой этаж – здесь проходят восстановление спинальные. Ходячих больных среди них почти нет. Ходячие сами выцарапываются, избавляются от боли и скованности в движениях.

В небольшой комнатке, отделанной приглядно пластиком, от которого, впрочем, и мне, здоровому человеку, трудно дышать, спинка к спинке втиснуты две кровати, к стене напротив привинчен плоский телевизор. Под ним откидной обеденный стол. Вот и вся обстановка.

На кровати у окна сидит загорелый кареглазый мужчина вполне здорового вида. И уж куда более цветущий, чем жена. У той под карими же быстрыми глазами тёмные полукружья – очень старят. Это при беглом взгляде. Потом-то выясняется, что Валя очень энергичная, жизнерадостная и если больная, то совсем немного: ворочая по первости неподвижного мужа с боку на бок, нажила грыжу. Здесь же где-то в соседнем отделении и операцию ей будут делать, за деньги, разумеется, уже договорилась.

Переносу на новое место обитания вещи. Вроде и собирались по-походному, а за один присест всё взять не удаётся. После первого рейса говорю тебе, что новые соседи – приятные люди. Но в палате, увы, телевизор. Ты приуныл, ох, как устали мы за четыре с лишним месяца от любителей всяческих телешоу. Но успокаиваем друг друга, что занятий много, так что до «окна в ад» у наших соседей, может, и дело не дойдёт.

– Как здесь тесно, – удивляешься ты, въезжая на коляске в новое обиталище.

Твоя кровать вообще задвинута в узкий тёмный аппендикс. Прикидываю – разместится ли рядом надувной матрас.

– Ничего, – бодро отзывается от окна новая соседка. – Мы сюда не отдыхать приехали, лечиться.

Ты с сомнением глядишь на бойкую Валю Хребтову, палец в рот не клади, на Володю, сидящего неподвижно на кровати. Кажется, сомневаешься, такая ли уж это приятная парочка, какой я её отрекомендовала. Но молчишь. Ты, такой разговорчивый в обычной жизни, здесь, в больницах, трастишь мало слов.

Валя тоже замолчала, присматриваясь к новым соседям: немолодые, может, даже чуть постарше, чем они, Хребтовы. И сразу видно: только что из больницы – бледные, заморённые. Ещё не вжились в своё несчастье, горюют и скрывают друг от друга растерянность. Как же так: это с нами, с нами? Они с Володей эти вопросы почти сразу ста-

ли от себя откидывать. Недавно она сказала мужу давно продуманное:

– И в таком, как у тебя, состоянии можно получать удовольствие от жизни. Не надо только оглядываться назад.

Володя согласился. Да и как не согласишься: надежды на восстановление мало, ниже поясницы тело потеряло чувствительность, может, нерв порван, может, просто сильный ушиб. Год назад Хребтовы в здешнем реабилитационном центре уже побывали, путёвку купили. Сейчас по квоте сумели пробиться. Не последний человек в своём подмосковном городке Валентина Петровна, начальник жилищной конторы.

Вечером, после велотренажёра, разговариваем с Валей. Ты книжки просматриваешь, Володя пристроился подремать. А Хребтова, похоже, не первый раз рассказывает историю семейного несчастья.

После дождя Володя полез на крышу своего двухэтажного дома подправить телевизионную антенну. В программе был заявлен футбольный матч, хотелось добиться на экране телевизора чёткого изображения, не упустить самые мелкие подробности. Забраться на крышу – дело нехитрое, тем более если до преклонных лет ходишь в горы, занимаешься альпинизмом. Но всё же на чердак Валя поднялась вместе с мужем: мало ли что...

Это – мало ли – началось сразу после того, как Володя поправил антенну: его ноги заскользили по мокрому шиферу, он нагнулся вперёд, пытаясь сохранить равновесие, замахал руками, хрипло крикнул:

– Кидай верёвку!

Верёвка бельевая под рукой, заранее припасена. И кинуть её нетрудно, несколько метров отделили мужа от слухового окна, где в страхе застыла Валя. Она медлит с признанием, которого от неё никто не ждёт, скорее, я бы хотела ничего не слышать. Но она выдавливая из себя:

– Бросить я верёвку побоялась: вдруг Володя меня с собой вниз утянет?

Я боюсь смотреть на свою собеседницу. Мне кажется, никогда не взглянуть прямо в её карие глаза, некрасиво оттенённые тёмными тенями. Гляжу на Володю. Он спит или прикидывается спящим.

Самые важные занятия здесь с инструктором по лечебной физкультуре. Каждая минута на учёте, поэтому отправляемся на второй этаж, имея немного времени в запасе. Вослед за нами в просторные подрагивающие недра кабины лифта худенькая женщина вкатывает ещё одну коляску с больным и ставит рядом с твоей.

– Здравствуйте, товарищи! – бодро приветствует всех твой сосед, пожилой и не по-стариковски вихрастый. Наверно, бывший начальник, уж больно голос зычный, вид строгий. – Новички? – деловито оглядывает он нас. – Впервые? Нравится здесь? – И, не дожидаясь ответа, удручённо сообщает:

– А я здесь третий раз, и всё никак на ноги поставить не могут.

Отвечать не приходится, лифт останавливается на втором этаже. Нам в коридор налево, новые знакомые поворачивают направо.

Несколько минут ждём перед открытой дверью зала. Тимур, наш инструктор, невысокий и подвижный, ворочает на матах, как тряпичную куклу, грузного мужчину, впрочем, кое-что тот и сам может делать, поднимает ноги, садится, опираясь то на один локоть, то на другой. Только движения у него резкие, как у автомата. Потом вездесущая Валя Хребтова рассказала, что это предприниматель из Подмосковья. После инсульта лечился в Германии, там не помогли почти. Здесь, в московском центре, пошёл на поправку.

В коридоре нестарая ещё женщина оперлась о стену, вытирает слезы и пот со лба, к нему прилипли чёрные кудрявые волосы, и с отчаянием говорит инструктору:

– Не могу!

– Можешь! – резко, почти грубо обрывает он её. – Иди!

Худенькая фигурка послушно откачивается от стены и пытается сделать шаг вперёд. Получается. Второй шаг... И – снова мотнуло к стене. Большая сверху донизу затянута в какие-то ремни, на талии корсет, на ногах – ортезы.

И привычно отчаянное:

– Не могу!

В ответ – резкое, повелительное:

– Можешь!

Тимур тоже строг. Но всё же не так. Может, потому, что задачи поставлены не такие сложные: научиться садиться, переворачиваться с боку на бок. Хотя как знать, кому что трудней. Ты по команде инструктора пробуешь сесть, опираясь локтем на мат. Тело подчиняется, но с каким трудом отвоёвывается каждый сантиметр пространства.

– Ещё подтянитесь! Ещё! – требовательно говорит Тимур.

Ты, выжимая невидимую, почти непосильную для себя тяжесть, садишься, победа! А потом, совсем обессиленный, откидываешься на спину. Я вытираю обильный пот с твоего лица.

После занятий наш инструктор задумчиво говорит:

– Одного не пойму, почему у вас так мало сил.

Ты объясняешь, что три недели назад перенёс операцию, потерял полтора литра крови.

– Читал в истории болезни, – прерывает Тимур. – Всё равно сил должно быть больше. Но вы должны радоваться, что тело подчиняется командам, оно может двигаться!

К себе на этаж возвращаемся на том же лифте и с теми же соседями, которые тебе, похоже, очень нравятся. Особенно тот, вихрастый в коляске. Ты его что-то тихонько спрашиваешь, из-за погромыхания лифта я не могу разобрать. Твой сосед-колясочник отвечает громко и значительно:

– До болезни я работал заместителем министра, – не поняла, какого министерства, слова заглушил лифт. – Знаете, какая у меня была приёмная? В два раза больше, чем больничная холл.

Что тут ответишь? Ты, похоже, и не рад, что затеял этот разговор. Для многих здесь достижения прошлого – высота, на которую нет надежды когда-нибудь подняться снова. После затяжного лечения последствий инсульта в министерства работать не берут, это ясно.

...Вечером, отдохнув, едем в другой спортивный зал, побольше. Ты, дождавшись своей очереди, подъезжаешь к велотренажеру, закрепляем ноги на педалях. Педали могут крутиться и сами, за счёт внутренней тяги, а могут только помогать в том, что ещё пока не по силам. На дисплее цифры: левая нога, более пораженная, плохо гнётся, а на толчок оказывается сильнее – на 60 процентов участвует в движении, правая, более гибкая, – на 45.

Вдруг за спиной шум, кто-то тяжело хватается за ручку твоей коляски, тебя качнуло назад. И снова медленно вернуло в исходное положение. Заминистра, так мы этого вихрастого господина теперь зовём между собой, стоит – и довольно уверенно – за твоей спиной и выговаривает, срываясь на крик, инструктору по лечебной физкультуре красавцу армянину Роберту:

– Как вы работаете, куда вы смотрите? Я чуть было не упал. И упал бы, если бы товарищ мне не помог, – кивает он в твою сторону.

– Я десять раз успею вас подхватить, пока вы приземляетесь, – сдержанно отвечает инструктор.

А наш знакомый не может успокоиться и задолго до окончания занятий велит покорной молчаливой жене везти себя в палату.

Возвращаясь, мы обсуждаем случившееся. Начальство, даже бывшее – не переделаешь, и мне показалось, что восстановить навыки ходьбы лохмотому старику ничего не стоит, он так уверенно держится на ногах. Ты сомневаешься:

– Да этого просто не может быть! Если бы силы чувствовал – пошёл бы!

После трёх занятий на Эриго, приучающих организм к вертикальному положению, ты поступаешь в распоряжение инструктора Роберта на Локомат. Инструктор встретил нас как добрых знакомых, конечно, это профессиональная манера – держаться со всеми дружелюбно, я понимаю! А всё же приятно. Он многочисленными застёжками закрепил тебя внутри машины, и начинается движение, тоже автоматическое – ты становишься похож на механического человека. Да Локомат и есть сложная система роботизированной реабилитации: учит ходить. Роберт просит шагать сначала правой, потом левой ногой по движущейся под ногами дорожке, на мониторе видны твои усилия. И не приблизительные, а в ньютонах. Подбадривает, что сила в ногах есть.

И потом, расстёгивая ремни, мягко говорит:

– Каждый день для вас – это преодоление. У вас есть возможность научиться ходить.

– А почему же заместитель министра не может научиться? Стоит он, как здоровый человек, – говоришь ты.

Высокий смуглый лоб Роберта прорезает продольная морщинка, он секунду медлит с ответом, раздумывая, говорить ли? Потом сдержанно отвечает, что такое случается не так уж и редко. Путёвки сюда бывшему крупному чиновнику труда получить ничего не стоит. А своих усилий на преодоление болезни тратить не хочет. Тогда как другие люди по несколько лет попасть на реабилитацию не могут. И, совсем разгорячившись, добавляет:

– Только место занимает.

Как выясняется, у нас остаётся много праздного времени: путёвка рассчитана на двадцать один день, а занятий не густо: десять с Тимуром на матах и в коленопоре, три – на Эриго, семь – на Локомате, по десять же процедур электрофореза и магнитотерапии. Только на велотренажёре можно заниматься сколько душе угодно! Хорошо бы ещё и в бассейне попробовать поплавать, это одно из самых важных занятий при восстановлении спинальников, читала когда-то об этом.

Находит доктора Петрова, после первого осмотра он посетил нас ещё раз, сказал, что всё идёт по плану, – и занялся другими больными. Ты выкладываешь свою просьбу о бассейне, доктор вежливо выслушивает и мягко отказывает: в перечень лечебных услуг по квоте плавание не включено.

– Но мы готовы посещать эти занятия за деньги, – вмешиваюсь я в разговор.

– Не положено, – отрицательно качает головой доктор.

Рядом с нами проходил курс восстановления московский кинооператор, день у него расписан с утра до вечера. Его мы почти не видим. Только раз заскочил к нам – познакомиться да сообщить, что центр хороший, ему здесь помогли, и некрасиво согнутая после перелома нога начала распрямляться. За все процедуры ему нужно в итоге заплатить едва ли не четверть миллиона. Да если деньги есть, и не столько заплатишь, лишь бы помогло!

А Хребтовы уезжают, срок пребывания в центре закончился. Володе не лучше и не хуже. Ноги по-прежнему не чувствуют и не двигаются. И только в ортезах он может сделать между брусьев, обычных, спортивных, несколько шагов.

Ты занимаешь кровать у окна: хоть несколько дней пожить просторней. Не успели расположиться – на коляске в палату въехал детинушка, косая сажень в плечах. Ему бы штангу в спортзале качать, да он в инвалидное кресло попал по ошибке... Лицо грустное очень знакомо. Вот уж воистину: ты от горя прочь, а оно тебе встреч.

Ну да, это тот самый товарищ по несчастью, земляк, что нехотя запомнился. Тебе делали операцию, мы с дочкой ходили взад и вперёд по коридору, ожидая, когда всё закончится. И не было часов в жизни тревожней. А он, Дима, провожал свою красивую жену до дверей и даже среди невесёлых, встревоженных больничных людей выделялся своим несчастным видом. Сейчас он немного пободрей, или потому так кажется, что он, признав, улыбается нам:

– Гора с горой не сходится...

За ним женщина в палате появилась, не та красавица, что в больницу к нему приходила, попроще, но тоже приглядная: лицо круглое, нос круглый, как говорят, картошкой, яркие зелёные глаза. По виду знакомая, а где встречались в больничной суете, и не вспомнишь сразу. Когда Дима с коляски на кровать рывком перемахнул, она рядом стояла, страховала. А чего его страховать-то? Руки мощные, на них ходить можно... Немного между собой говорят, но дружелюбно, согласно. Он её всё по имени. Ася, принеси воды, пожалуйста. Ася, посмотри, где там Лариса ходит. Ася довольно грациозно для своей большой фигуры скользнула за дверь и через несколько минут явилась в палату вместе с той запомнившейся по больнице красавицей. Несмотря на длинную дорогу и беготню по кабинетам, узкие глаза Ларисы сияют:

– Документы врачу сдала, обо всём переговорила. Здесь неплохо. Занимайся, старайся, – деловито-напряжённо наказывает она мужу. И более спокойно Асе:

– В случае чего звони. Помощь ли какая нужна, деньги...

И через минуту заторопилась:

– Мне пора уже. Оставайтесь. Смотри за ним, Ася!

Ася кивает головой, Димка – рывком на коляску, следом за женой отправляется провожать, как тогда, в больнице. Возвращается не скоро, понурый.

Не хотел даже обедать, но Ася всю еду на столик раскидной расставила, сама у окна села, ждёт, ничего не говорит, пусть освоится. Наконец Дима подъехал к столу. «Поддай ложку», – сказал не глядя.

– Да ложки и вилки перед тобой, протяни руку, тебе полезно двигаться, – ответила Ася, глядя с высоты восьмого этажа на улицу. Нечего сказать, пейзаж неприглядный, одни бетонные коробки вокруг да грязная дорога. Она не успела додумать свою коротенькую мысль, как чуть не подсочила от крика.

– Тебя не учить меня нанимали, а делать то, что я скажу, – и после короткого одышливого перерыва. – Думаешь, я про Маргариту не знаю? Да об этом вся больница там, дома, гудела. Помогла ей восстановиться! Нечего сказать!

Ася промолчала, хотя рука, подающая ложку, дрогнула, а щёки покраснели. Слава богу, последнее время научилась держать себя в узде. Убрала после еды посуду, тихо спросила:

– Тебе больше ничего не надо? – Не дождалась ответа и пошла курить на запасную лестницу. Вообще-то, курить в реабилитационном центре категорически запрещено, но санитарка на этаже сказала, что потихоньку можно.

Я следом. Жалко Асю, достался ей вспыльчивый больной. Она не сердится и не плачет, она хочет выговориться.

БОЖИЙ ГНЕВ

Ася не стала ждать автобуса, до деревни два километра, быстрее так дойдёшь. Машины, обгоняя, убавляли скорость, чтобы не забрызгать грязью, асфальт от неё так и лоснился. Но ни одна из них не притормозила, ни один водила не предложил улыбочиво: «Девушка, садись, подвезу». Из девушек, сама это знала, она несколько лет назад перекочевала в разряд тёток с широкой, осевшей книзу фигурой без намёков на талию. Что ж, и тёткам надо жить. И не обязательно

всем нравиться. А хороший человек и такую вот крепенькую полюбить может.

Только где они, хорошие люди? Из мужиков-одногодков в деревне два пьяницы. Им бы только денег занять, напиться да на лавочке сидеть. А ты попробуй эти деньги заработай! Ася шесть лет в соседнюю область ездила, санитаркой в хирургии работала. Вспомнив хирургию, она загоревала было. Но тут же и развеселилась: на повислой берёзе, росшей возле крыльца, увидела грачей. Огромные, чёрные, за зиму от такой черноты уже и отвыкла, издали походили на ошмётки грязи на фоне палево-серых облаков. Но ведь без них, этих ошмётков, и весна – не весна! От необъятных, покуда глаз хватало, белых полей, заросших мелкоколесьем, тянуло первозданной свежестью, пробуждающимися, набухшими зелёными ветками ивы, берёзовыми почками. И в душе, как в юные годы, на миг что-то сладко зануло в предчувствии хорошего.

У неё в сенах стоял мешок семечек, одарила приезжая хохлушка за приют, Аня ими подкармливала голубей. Теперь щедро сыпанула несколько горстей перед крыльцом: перелётным странникам тоже надо подкрепиться. Ещё постояла немного, наблюдая, как тучей грачи спустились к крыльцу, но голубей не отогнали, клюют вместе. Так бы и у людей! Так нет же – зависть, злоба, несправедливость везде.

Уж она ли не старалась, уж её ли не хвалили больные, а с работы вылетела как пробка, думала она, стягивая с себя городскую одежду, тонкий свитер и брюки в обтяжку, и напяливая выгоревшие тренировки и выдавшую виды фуфайку. Дома выстыло, печка два дня не топлена. Но чисто, словно порядок раз и навсегда застыл в комнате, ни пылины, ни соринки. Знакомые удивляются: у тебя дома, как после генеральной уборки. Хохлушка ещё и подсмеялась, мол, зачем в будние дни на диване накидушка наброшена изнаночной стороной, денег на новую, что ли, не хватит? Но раз установленный порядок она не собирается менять из-за какой-то торговки с рынка.

Дрова, сложенные в печь перед отъездом, занялись с одной спички, на плиту поставила чайник, ужин готовить не стала. Хватит бутербродов. Не терпелось скорее заняться делом. Поднять из подвала ящики с землёй, посеять перцы, помидоры, баклажаны, огурцы. Припоздала она, конечно, с рассадой, не первая будет на рынке. Да кто, господи, знал, что дело так обернётся? Разве она думала когда, что уйдёт из отделения?

Устроилась она в больницу по совету толстой и добродушной Лены. Раньше они вместе в Костроме в фабричной столовой работали. Но фабрику

закрыли, а с ней и столовую. Девчонки бросились в соседние города работу искать, добрались до Ярославля. Ничего, что рано вставать, на электричке добираться. Это только через двое суток на трети, выдержим. Ася с ними не поехала, на рынке стала торговать. Благо участок земельный у дома большой, пятнадцать соток. А рядом ещё хоть гектар распахивай да засевай, пожалуйста. Здесь, на рынке, её Лена через год увидела и пожалела: «Аська, чистюля, у тебя руки от земли потрескались». «А что делать? Мне самой давно надоело, всё одна да одна», – зелёные Асины глаза загрузили, а у пухлых губ тоненькими ниточками наметились горькие морщинки. Старят, ах, как старят они. «Поехали в Ярославль. Санитарки в больнице нужны, – невозмутимая всегда Ленка даже одушевилась. – Знаешь какие там доктора? Необыкновенные! Боги! Особенно один, Олег Владиславович. Он такие операции делает. Человек после дорожной аварии на том свете одной ногой уже, а он прооперирует – и спасёт!» Асе даже любопытно стало. У Ленки кожа слоновья, толстая, ничем не прошибёшь, а тут разохалась. Что ж, посмотрим.

Больные Асю полюбили, несмотря на насмешливость и командирский тон. А может, как раз за это и полюбили. Ведь когда человеку плохо и больно, он теряет. Был сильный и крепкий, а тут вот ни рукой, ни ногой пошевелить не может. Как тут не подчиниться симпатичной решительной женщине. Головы, как подсолнухи к солнцу, за ней поворачиваются, когда она по палате ходит, чистит, моет, убирает. Плотный мужчина, когда она пронесится мимо, пробует за мягкое место ухватить, уж больно сдобная, белая санитарочка. Как булка. Ася беззлобно поругивает шутника, отчего он больше повеселел: за настоящего мужа принимают!

Только ночью долго не могла она привыкнуть отдыхать в своей каморке. Только задремлешь, а сверху стук колёс и топот, словно какая-то колесница скачет. Значит, в соседнее отделение поступил больной, но и это приняла, и самой вместе с медсёстрами приходилось определять на место в неурочное время больных: аварии на дороге чаще ночью случаются.

Другая бы жаловалась, что работы много, только не Ася. Быстрая она, ловкая. Длиннющий коридор пройдёт с тряпкой играючи. Да ещё стены прихватит, оботрёт. Олег Владиславович её хвалит. Он не заведующий отделением, премии от него не зависят, а приятно. Потому что настоящий он доктор, каких мало. Не зря Ленка его Богом называла. А в толпе ведь такого и не заметишь, невысокий, глаза некрупные, серые. А вот взгляд... Взгляд умный, пронизательный, пронзительный

даже. Бывают же выдающиеся люди! Сегодня Ася видела, как доктор выходил из операционной, лицо побледнело, посерело и пот со лба вытирает. Её увидел, попросил: «Асечка, присмотри за больной из восьмой палаты». Только и сказал, а она в эту восьмую десять раз уже зашла, старушка после операции неплохо себя чувствует, но сильно унывает. «Мне не встать, – говорит, – сил нет». Ася пристыдила её, пообещала помочь расхаживаться, когда доктор разрешит. И не удержалась по своей деревенской простоте, спросила, почему родные не идут навещать. Роза Ивановна строго посмотрела на Асю, поджала свои сухонькие губы: «Стало быть, так им нужна».

А через три дня больная при поддержке Аси расхаживала в коридоре на ходунках. Она охала, жаловалась, что не идут ноги, кружится голова, но стояла всё твёрже. Мимо по коридору спешил Олег Владиславович, чуть голову наклонил вперёд, словно бодался. Он всегда так торопится, будто и не смотрит, а всё замечает. Вот и Асе улыбнулся одобрительно, и от этой улыбки впервые она почувствовала себя не низшей на иерархической медицинской лестнице, а очень даже нужным человеком, от которого тоже зависит здоровье и жизнь больных. Это тебе не рассаду выращивать, рассаду каждый дурак может. И уже ругала себя, почему вовремя не выучилась, хотя бы на медсестру, и тогда бы она... Что бы сделала тогда она, Ася не додумывала, но её распирало желание стать ещё более нужной, значимой и, может быть, более любимой. Да и правда, после того, как она поставила Розу Ивановну на ноги, больные совсем по-другому стали к ней относиться – уважительно. Некоторые даже пытались к имени отчество Семёновна приставить, но она радостно отмахивалась, я ещё молодая.

Немного остудила её пыл медсестра Лиза, деловито спросила, много ли заплатила Роза за персональный уход. Ася растерялась, денежки она любила не меньше других, а здесь о них и не подумала, захваченная порывом помочь, ведь Олег Владиславович просил! Покачала отрицательно головой, мол, нисколько не заплатила. У Лизы острый нос стал ещё острее от негодования, глазки кольнули недобрым:

– Да ты, голубушка, больных развращаешь. Они будут считать, что мы все так должны вместо родных за ними ухаживать.

Зря Лиза беспокоилась, выписываясь, Роза Ивановна денег дала даже больше, чем по негласным больничным расценкам, и адрес свой написала, и телефон. Даже неудобно, она как родная стала, а с родных разве деньги берут? Роза Ива-

новна наказала непременно заглядывать в гости. Два раза повторила очень убедительно. Слушая её, Ася не переставала удивляться, никакая Роза не старушка, подкрасила ресницы, губы, причёску сделала – и очень даже ещё ничего дама оказалась. А самое главное – тон у неё сменился, уверенный, бодрый стал. Роза Ивановна понимающе усмехнулась:

– Ни в коем случае, ни в какой ситуации нельзя распускаться, да, Асечка? – вздохнула иронично. – Но человек слаб. А я-то и совсем ослабла было. Спасибо тебе, ты мне веру в человека вернула.

– Вы мне тоже помогли, – просто сказала Ася. Уж на что она не любительница чувствительных объяснений, а растрогалась до слёз, да и Роза Ивановна всплакнула.

Потом она уже и счёт больным, кому помогла встать на ноги, потеряла. Олег Владиславович однажды на планёрке сказал, что если бы все санитарки были такие заинтересованные, как Жихарева, процесс выздоровления у многих шёл бы быстрее. Ей потом Лиза передавала и смотрела завистливо острыми глазами. Да Ася внимания не обращала. Что слова, больные стали для неё как родные малые дети.

Может, и загордилась она, не признаваясь самой себе. Да с Маргаритой вышла осечка. Похожа та чем-то на Розу, только моложе, полней, волосы нечесанные длинные по плечам раскиданы. Сидит на кровати и хнычет: «Асечка, подай мне чайную ложку. Мне из тумбочки не достать».

После операции уже неделя прошла, а она с собой как с хрустальной вазой носится. Как люди себя жалеть привыкли. Александра даже рассердилась, но по видимости спокойно сказала: «Возьми сама, тебе уже можно наклоняться». И пошла, не взглянув, по своим делам. Разве мало у неё дел? Немного спустя в коридоре забежали. Олег Владиславович в женскую палату прошёл стремительно, наклонив голову вперёд, крикнули санитарку. И погрузили Маргариту на каталку, и повезли в операционную. Медсестра Лиза впереди, виден только острый кончик носа, когда она на ходу наклонялась к больной и тихонечко выговаривала: «Зачем нужно было так резко наклоняться? Фиксатор в позвоночнике хрупкий, хоть и дорогой».

Ася понимала, Лиза и для неё говорит, но ей было не до мелких уколов. Её ужасало, что сейчас Маргариту второй раз будут резать, а раны-то на спине ещё не зажили. И кто её дёрнул за язык, откуда она знает, когда можно с таким переломом позвоночника начинать наклоняться. Перелом перелому рознь. В открытую дверь операционной она увидела Олега Владиславовича, в маске и в

перчатках, ей показалось, что на неё он посмотрел холодно и неодобрительно, обвиняет, стало быть.

После этого случая доктор перестал замечать Асю. И она почувствовала, как оказалась в ледяной пустыне. Делай что хочешь, кричи – не докричишься. Бог отвернулся от тебя. Смены суточные потекли серо и однообразно. Приходя в отделение, стала ощущать тяжелый больничный запах, раньше его почему-то не чувствовала. И больные перешёптывались за спиной: «Это из-за неё, это из-за неё...»

Может, и казалось ей так, люди в палатах менялись часто, и поздоровевшую Маргариту выписали, и всех её однопалатников, но всё равно тяжело. Ася терпела месяц, другой – и пошла к толстому заведующему, попросила отпустить в сосудистое отделение, этажом ниже. Тот, не разговаривая, подписал её каракули и отрабатывать не заставил. В сосудистом отделении всё было не так, всё не по ней – и она снова подала заявление об уходе. Ушла – не оглянувшись, и рада этому, надо кое-что обдумать на досуге. А работа с тёплой пахучей землёй, с растениями успокаивает, это давно и не ею замечено.

Через неделю позвонила Роза Ивановна – и откуда узнала, что Ася ушла с работы – попросила сопровождать мужа знакомой в реабилитационный центр. «Случай тяжёлый, но всё же есть надежда. И если вы поможете, то шансы на успех ещё больше, о цене договоримся, но по тарифу, полторы тысячи в день, им дороговато, жена одна работает. Если треть сбавить, чтобы никому не обидно было», – сыпала в телефонную трубку бодрая, энергичная Роза Ивановна. Ася согласилась. Выгодней, чем на рынке рассадой торговать. Да и людям, наконец, надо помочь.

Вот и приехала помогать. А Дима нервничает: жена из реабилитационного центра не домой, а в ресторан отправилась, говорит, что с подружкой. Как его не понять. Жалко ему отпускать от себя Ларису, красивая она, в самом расцвете.

Диме очень трудно: не позвоночник сломал – всю жизнь! Пусть сорвёт своё отчаяние на ней, Асе, казнит, режет словами. Ей больно, очень больно, но и легче немножко становится, будто часть груза с души этот злой крик снимает.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Воскресенье занятий никаких нет, решили с тобой прогуляться. Правда, денёк пасмурный выдался, холодный, но надо же посмотреть на весну, апрель за середину перевалил. Одеваемся потеплее, минуем все охранительные барьеры, по пандусам спускаемся вниз. Взгляду зацепиться не за что:

серые дома, тёмный асфальт, какое-то хилое деревце сиротливо машет голыми ветвями. Да и воздух здесь, в грязном дворе, совсем не весенний, пахнет отработанными выхлопными газами и ещё чем-то несвойственным оживающей природе. На сквозняке холодно, но какое-то время гуляем, я, толкая твою коляску вперёд, рассказываю Асину историю.

– Так вот такая она, – задумчиво говоришь ты. – С обострённой болезненно совестью. А по виду не скажешь: весёлая, бойкая, будто всё ей нипочём.

И мы радуемся, что осталось здесь дожидать всего несколько дней – и домой. А может, ещё и тому, что будем дальше от Диминой беды: помочь-то ему нечем. Заезжаем в помещение и на громыхающем лифте поднимаемся на свой восьмой этаж.

В холле встречаем женщину в коляске, ту, с чёрными кудряшками, что в начале срока делала первые тяжёлые шаги в коридоре у спортзала с тренером. Что-то в ней неуловимо изменилось. Ну да, она улыбается, лицо потеряло неподвижность, характерную для инсультников.

– Вам легче? – спрашиваю её на ходу. Улыбка становится шире:

– Да. Значительно. А вам?

– И нам, – киваю я головой.

В пятницу ходили к врачу по лечебной физкультуре. Немолодая крашеная блондинка головы от стола не подняла, историю болезни быстро перелистала. Так, не глядя на тебя, перечислила, что необходимо приобрести для дальнейшего восстановления: корсет, ортезы, стоподержатели. Дала рекламный листочек какой-то немецкой фирмы с представительством в Москве. И пригласила следующего пациента.

Вышли из кабинета озадаченные. Можно и не заходить сюда было, взяв предписание да рекламный проспект. Деньги у меня с собой есть, я поначалу готова заказать всё предлагаемое, ты с досадой возражаешь (голос у тебя стал обычный, уверенный, а не шепот):

– Мало ли чего ещё не глядя назначат.

Что правда, то правда, на восстановление после серьёзных травм нет у реабилитологов единой точки зрения. Да и уверенности, как поведёт себя организм пациента, нет. Потому-то каждый больной сам для себя избирает линию поведения. Чем же ты можешь пожертвовать для того, чтобы вернуть себе былые физические возможности? Если готов на кровавый пот, на потерю сна, на изматывающее напряжение – значит, шансы встать и идти есть. Нерв ушиблен, но не убит. Мы уже обговаривали с тобой это не раз. Потому и отказываемся от стоподержателей. Мышцы, связки должны прийти в тонус, а при

постоянной поддержке им это не грозит. То же самое и с корсетом, мешать только будет.

В итоге заказываем одни ортезы. Они-то точно нужны, колени пока не замыкаются, а без этого – как учиться ходить? На прощание Тимур и Роберт, наши инструкторы, дают нам наставления, как тренироваться, Тимур ещё и комплекс упражнений на первое время. Потом последний разговор с доктором Петровым.

– Я надеялась, что муж всё же сделает здесь первые шаги, – говорю ему с сожалением.

– Нам бы очень хотелось добиться этого. Приезжайте ещё. Восстановление идёт, только медленно.

Помнится, Олег Владиславович то же самое говорил: движение вперёд будет идти у тебя «черепашьими шажками».

Всё. Мы готовы ехать в самостоятельную жизнь. Мне немного тревожно: справимся ли? А ты откровенно радуешься: тебе здесь совсем не нравится, временами чувствуешь себя не живым человеком, а деталью, попавшей на конвейер.

...Наш пустой дом печально удивляется тому, что с нами случилось, какие мы вернулись не похожие на себя, замотанные и худые, а ты, хозяин, ещё и двигаться не можешь.

Наскоро готовлю ужин, роюсь в сумке, той самой, что оставила шесть месяцев назад на кухне, достаю шоколадку к чаю, под ней сверкнул жёлтым глазом... потерянный жетон.

ЭПИЛОГ

Едем из Рыбинска, асфальт ровный, но скосность не разовьёшь: за одним поворотом начинается другой. Справа выныривает и снова теряется за деревьями тёмно-серая Волга. Цвет такой густоты, что вода в реке кажется тяжёлой. Денёк непроставшийся, хмурый. А и пусть хмурится! Всё равно праздник – и вольный резкий ветер в лицо через чуть приспущенное стекло, и белый первый снег на обочине дороги – всё радует.

В багажнике – тираж книги Николая Смирнова «На поле Романове», твоей книги. 34 пачки по восемь томиков, запакованных в толстую обёрточную бумагу. За рулём твой тёзка, Николай Васильевич, родственник. Как всегда сдержанный, немногословный. И надёжный!

Целый год после нашего возвращения из Москвы он был твоим тренером. Помню, первый раз мы поставили тебя к ходункам. Приладили немецкие ортезы на липучках и шарнирах к твоим ногам, встали по бокам, подняли под локти. Стоишь! Радости не вижу, всё перекрывает огромное напря-

жение, пот катится по лицу. Но тебя, слава богу, злит беспомощность, и ты, передвинув ходунки, делаешь шаг правой ногой. Левая уперлась в пол – не сдвинешь. Подцепив носком, тренер отправляет её вперёд. Шаг, другой, третий. С опаской оторвавшись от твоего локтя (не грохнулся бы!), подвожу коляску. Через три недели мы сняли ортез с правой ноги, а через три месяца с левой. Занятия на мате, у шведской стенки и передвижение на ходунках потихоньку давали результат.

Тренировки, тебе казалось, отнимают неоправданно много времени: четыре-пять часов в сутки. Хотелось писать – ты заканчивал начатую в той, благополучной, жизни повесть «Красная чаша», делал наброски рассказов. Но твой тренер неумолим, как все тренеры в мире. Примерно через полгода такого хождения ты почувствовал объём ног. Сначала они ощущались как бесформенные мешки, набитые речным песком (так трудно передвигать), потом как хрупкие лучинки, готовые вот-вот подломиться. Чувствительность возвращалась нехотя, с болью в ногах, пояснице, в низу живота.

Когда ты довольно сносно стал стоять на ногах, твой тёзка оставил нас. Тренировались вдвоём, а теперь, через пять лет, ты и один справляешься. Сейчас, знаю, меряешь шагами комнаты, опираясь на ходунки, поглядываешь в окно, ждёшь нас.

...Справа на обочине дороги замечаю большое бурое пятно:

– Осторожнее, лось!

Водитель сбавляет скорость. Нет, не лось, лосиха, молодая, чуткая. То на дорогу посмотрит, то в

заросли, где, увязнув по брюшко в снегу, терпеливо стоит её телёночек. Ждёт, когда можно бежать за матерью от реки через дорогу в густой тёмный лес. Но лосиха, завидев приближающуюся машину, неуловимым движением бросает своё мощное тело назад, к детёнышу. И они скрываются в буром ольшанике, перемежающемся зелёными осинками. Через несколько секунд их уже и не видно. Какой огромный и холодный дом у лосёнка – весь лес. Но лучше, чем здесь, ему нигде не будет!

Опоздали к парому всего на три минуты. Ждём следующего рейса. Досаду. Хочется побыстрее довести, показать тебе твою новую книгу... А вместо этого на берегу целый час куковать.

Но что за диво? Над заснеженными берегами летит косяк уток, за ним другой, третий. И не на юг, а на северо-запад. Зимовать, что ли, здесь собрались? Ох, как я жалею, что ничего этого ты не видишь. Но верю, что скоро, совсем скоро будет так, как писал твой друг и поэт Константин Васильев:

*Будет снег, пойду по снегу
Через это поле.
Надо мной качнётся небо.
Небо! Небо! Воля!*

17 ноября 2016 г.

Мышкин

Надежда Леонидовна КУСКОВА –

*член Союза журналистов России,
в прошлом – корреспондент областных изданий
и ярославского областного радио.*

*Публиковалась в центральных газетах,
в региональном журнале «Русский путь»,
в журнале ярославских писателей «Причал»,
в коллективных сборниках.*

Автор двух книг прозы.

Живёт в Мышкине Ярославской области.

В журнале «Север» публикуется впервые.

